

«УТВЕРЖДАЮ»

**Проректор по научной работе
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-
Петербургский государственный
университет»**

С. В. Микушев

2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Андриевскую Жанну Викторовну «Символические программы социального мышления в обществе риска», представленную на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия

Актуальность диссертации Ж. В. Андриевской связана с необходимостью в рамках социально-гуманитарного дискурса, в котором всегда было актуально рассмотрение оппозиции индивидуальное-коллективное, произвести ряд переосмыслений коллективного уровня мышления и дополнить его концептуальными понятиями, способствующими лучше понимать и формировать структуру социальной реальности. К таким важнейшим аспектам аналитики мышления следует отнести необходимость преодоления разрыва между идеальным и материальным посредством установления «форм взаимодействия между материальными и символическими объектами в контексте их связи с социальным порядком» (с. 7). Диссертант отмечает, что ряд понятий, которые используются до сих пор для достижения этих целей, являются недостаточными или вовсе неточными. В частности, термин акторно-сетевой теории «нарративная программа» не позволяет достичь требуемых одновременно различий и связей между символическими и материальными объектами. Принимая в расчет данное упущение, автор вводит термин «символическая про-

грамма», благодаря которому может более точно схвачена «связь между материальными объектами, нарративами в социальном мышлении и социальным порядком» (с. 7). Т.о., актуальность поставленной задачи состоит в том, чтобы объяснить процесс «формирования и функционирования символических программ, которые становятся связующим звеном «между социальным мышлением и конкретной социальной практикой общества в целом и отдельных субъектов» (с. 7).

Новизна исследования и полученных результатов и выводов представлена в четырех главах, включающих девять параграфов. Диссертация выстроена комплексно и системно, чтобы раскрыть новизну работы, состоящей в попытке сделать академически значимой концепцию «символической программы» социального мышления. Автор отмечает, что проведенный им критический разбор смежных понятий позволил провести демаркацию между понятиями «общественное сознание» и «социальное мышление». Кроме того была разработана структурная модель социального порядка, благодаря чему был сделан вклад в социальную философию, нацеленную на раскрытие «сущности и структуры социального порядка» (с. 30).

Говоря о **степени разработанности проблемы**, то, имея в виду вводимое Ж. В. Андриевской понятие «символической программы» в качестве осмысленной философской категории, можно согласиться с автором, что оно недостаточно разработано в социальной философии.

Нечто подобное диссертант утверждает и относительно понятия «социальное мышление». Здесь уже возможны обоснованные экспертные сомнения, на что будет указано подробнее в замечаниях к диссертации.

Однако сам исследователь указывает, что этот термин используется в современных психологических работах, в научных трудах когнитивистов, в то время как в философских учениях прошлого (Платон, неоплатоники, средневековые реалисты, Гегель и т.п.), несмотря на выявляемое в них его значение, в данном виде он нигде прямо никогда не фигурировало. Автор показывает, что, например, в рамках марксистско-ленинской философии широко использовалось понятие «общественное сознание». Также существует еще ряд смежных понятий, таких как коллективный субъект, массовое сознание, национальные менталитеты и т.п. Однако ни одно из этих понятий, как считает Ж. В. Андриевская, не может быть признано равноценным понятию «социальное мышление», которое автор и берется концептуализировать в рамках социально-философского дискурса. Помимо этого, в диссертации дается сравнительный анализ понятия «символическая программа социального мышления» и близких к нему по содержанию таких понятий, как «диспозитив» М. Фуко,

Л. Болтански и Л. Тевено, Ж. Агамбена, «ассамбляж» («сборка») Ж. Делёза и Ф. Гваттари, М. Деланда, «институциональный факт» Дж. Сёрла» и др.

Методология исследования основана на сочетании диалектического подхода с методологическими принципами аналитической философии, что, согласно позиции диссертанта, способствует содержательному раскрытию концепта «социальное мышление». Кроме того, автор использует методы историзма, структурно-функционального анализа, продуктивные решения акторно-сетевой теории, системной теории общества Н. Лумана и других подходов к анализу социальных феноменов. Попытка произвести синтезирование указанных методологических стратегий для достижения поставленных целей свидетельствует как об обширных теоретических познаниях автора, так и о склонности его к поиску нетривиальных ответов на возникающие сложные вопросы.

Задачи и цели работы сформулированы очень четко и лаконично. Последовательность в конкретизации выносимых положений на защиту подчеркивает понимание актуальности предлагаемой проблематики, показывает обстоятельное владение критическим материалом по ней, а также демонстрирует осознание имеющейся у выбранной темы научной перспективы и наличие ясного представления о важнейших направлениях ее развития.

Привлеченный теоретический инструментарий направлен на то, чтобы концептуально оформить ключевые понятия исследования, такие как «социальное мышление» и «символическая программа», благодаря чему появится возможность использовать их для аналитики глобального общества риска.

В главе 1 диссертации, «Символические программы социального мышления как предмет социально-философской рефлексии», вводится и определяется понятие «социальное мышление» на основе анализа историко-философского наследия от проблематизации научного мышления в качестве единственного верного к различным типам мышления, обусловленным языком и культурой. В связи с выделением типологии мышления ставится проблема понимания и определения «коллективного субъекта» как сопряженная с понятием «социальное мышление» и нашедшая разрешение в концепции коллективной интенциональности в аналитической философии, в частности у Дж. Сёрла. Автору удается последовательно и убедительно показать, как из концептуализации понятия «коллективная интенциональность» у Дж. Сёрла формируется представление о трехсоставной структуре социального мышления (социальный порядок, социальный дискурс, символические объекты). Опора на традицию аналитической философии позволила Ж. В. Андриевской представить авторское, «пилотное» определение понятия «социальное мышление», которое показывает/удерживает связь между индивидуальным мышлением,

социальным порядком и его объектами, наделенными символическим значением. Введение в поле социальной философии понятия «социальное мышление» позволяет выйти за пределы привычного представления о коллективном разуме/субъекте/бессознательном, в центре которого находится понятие коллектива как особого субъекта мышления, и дать более глубокое понимание данного феномена в связи с описанием принципов структурирования устойчивых паттернов в рамках коллективного уровня мышления, участие в формировании данных паттернов материальных объектов, а также взаимоотношение паттернов с социальным порядком.

В главе 2 диссертации, «Сущность, функции и типы символических программ социального мышления», представлено понятие «символической программы», которая обосновывается и выводится из теории создания социального мира Дж. Сёрла. Глава предлагает последовательную философскую концепцию понимания того, что из себя представляет «символическая программа» наряду, а также в отличии и сходстве, с такими концептами как «диспозитив» в теории Л. Болтански и Л. Тевено (прагматическая социология) и в философии М. Фуко, Дж. Агамбена, а также с понятием «ассамбляж» Ж. Делеза и понятием «симбиоз» М. Деланда. Автор последовательно обосновывает, что преимущество «символической программы» в качестве философской категории заключается в том, что она обращается к символическим объектам не только для легитимации социального порядка, но и для его критики, в связи с чем выделяется два уровня символических программ – национальный и глобальный, а также несколько уровней проявления символических программ в качестве регуляторов социального поведения индивидов: символическое сингулярное действие, символическое социальное взаимодействие, символическая социальная практика, символическая макросоциальная событийность. Удачным и проработанным примером применения концепции символической программы в качестве методологии является ее использование для анализа социального порядка капитализма и форм его легитимации в концепции Л. Болтански и Л. Тевено. Глава раскрывает как символические программы могут уравнивать дисбаланс таких трех измерений социальной реальности как семейно-родственное, эгалитарное и иерархическое, которые сосуществуют, но по-разному себя проявляют в историческом социо-культурном разрезе в плане выраженности, - описание взаимодействия данных измерений осуществляется посредством символической программы как эффективного инструмента философской аналитики. Высокий уровень концептуальной проработанности отмечается в типологизации символических программ по степени сбалансированности или проявленности того или иного структурного элемента (социальный порядок, символический объект, социальный дискурс) в

различных типах обществ и культур на различных этапах исторического развития. Глава убедительно обосновывает концепцию символических программ как концептуальную философскую модель для структурного и смыслового анализа общества, культуры и политической жизни.

В главе 3 диссертации, «Внешние и внутренние факторы формирования символических программ социального мышления», с учетом подведенного в предыдущих главах теоретического и методологического фундамента исследователь определяет основные внешние и внутренние факторы формирования символических программ социального мышления, которые направлены на поддержание социального порядка. Среди внешних выделяются 5 факторов, что позволяет диссертанту на основании символических программ социального мышления произвести новую классификацию обществ. В рамках такого деления определяется и геополитическое место, на которое претендует в ходе своей истории Россия – предстать в качестве страны-«ядра» (с. 222). К внутренним факторам автор относит «фольклор; книжную культуру; религию; архитектуру; язык и его экспрессивные особенности» (с. 237), которые были содержательно раскрыты и проанализированы. Надо признать, что страницы диссертации, посвященные анализу различных аспектов истории и культуры России (особенно, что касается ее древнерусского этапа), являются наиболее продуманными, существенными и интересными.

В главе 4, «Символические программы в условиях общества риска», Ж. В. Андриевская проводит анализ влияния рискогенности, характерной для современного общества, на символические программы социального мышления. Автор справедливо отмечает, что «в обществах позднего модерна риск является в высшей степени политизированной концепцией» (с. 262). Поэтому сначала Ж. В. Андриевская берется объяснить значение и значимость категории «риск» для социально-философского познания общества, благодаря чему могут быть осмыслены те или иные последствия в ходе развития современного общества. В дальнейшем дается критическое представление четырех основных подходов к пониманию риска в философии, культурологии, политологии и социологии. В результате проведенного анализа всех перечисленных подходов диссертант приходит к выводу, что всем им не достает осмысления общества риска с точки зрения символической структуры, представленной как раз в концепции символической программы социального мышления.

Исходя из сделанного столь важного дополнения, автор предлагает рассмотреть современные реалии российской действительности через призму концепции символической программы. Отмечается, что для российского общества характерно формирование символических программ с ослабленной в

них значимостью социального порядка, хотя самому российскому социальному мышлению с учетом климатических, географических, исторических, культурных и политических факторов всегда была свойственна приверженность социальному порядку. Ориентация символических программ не на сам социальный порядок объясняется автором тем, что эти программы должны были служить *поддержанию* социального порядка, что и не позволяет превращать порядок в прямой объект этих программ. Таким объектом становится то, что будет служить порядку.

Далее Ж. В. Андриевская выводит 4 типа несбалансированной структуры символических программ социального мышления, обосновывая при этом ответ на вопрос, почему только первый тип в наибольшей степени отвечает характеру российского социального мышления. Глава завершается анализом современной геополитической ситуации в мире, в котором нарастает количество самых разнообразных рисков. Изучив их динамику, автор видит для России необходимость совместить два направления ее развития – реализовываться с учетом традиционных ценностей, но принимать во внимание и вектор вестернизации, потому что без этого невозможно включаться в глобальные процессы.

В Заключение подводятся итоги проведенного исследования, кратко формулируются основные идеи, изложенные в четырех главах, определяются теоретические и прикладные перспективы использования полученных результатов.

Значимость для науки и практики полученных результатов

Диссертационное исследование вносит фундаментальный вклад в социальную философию, закладывая основы для новой исследовательской парадигмы. Её ядром является разработка концепции «символических программ социального мышления», которая открывает направление, фокусирующееся на внутренней структуре и динамике коллективного мышления как специфического уровня социальной реальности. Данная концепция обогащает категориальный аппарат дисциплины и создаёт оригинальный методологический инструментарий. Он позволяет выявить и исследовать скрытые механизмы, опосредующие связь между коллективным символическим порядком, культурными формами, институтами и повседневными практиками. В рамках социально-конструктивистского подхода работа предлагает перспективную альтернативу классическим теориям, что особенно значимо для переосмысления феноменов национальной идентичности и коллективного самосознания.

Предложенный теоретический инструмент обладает значительным потенциалом для прикладного анализа актуальных общественно-политических и куль-

турных процессов. Методология выделения и анализа символических программ (символический объект - дискурс - социальный порядок) предоставляет средства для критического осмысления текущих явлений. Она позволяет дифференцировать события, укоренённые в глубинных социальных потребностях и противоречиях, от ситуативного информационного шума и политических манипуляций. Таким образом, работа не только развивает философскую теорию, но и формирует основу для важной аналитической компетенции, востребованной в сферах государственного управления, политического анализа и медиакритики.

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертационной работы.

Разработанная концепция символических программ создает условия для формирования теоретического и методологического фундамента, на основании которого смогут определяться перспективы развития российского общества в новых исторических условиях. Это позволит достичь более высокого уровня самоидентификации российского общества. Экспертное сообщество получит методологический инструментарий, с помощью которого можно будет реализовывать прогностические функции социальных наук. Концепция символических программ может стать комплементарным подходом к уже существующим программам аксиологического толка. Выводы исследования могут быть использованы для последующей научно-исследовательской деятельности, а также привлечены для разработки учебных дисциплин в системе гуманитарного образования.

Замечания по работе.

Диссертация Ж. В. Андриевской обнаруживает ряд существенных недостатков:

1. В первую очередь обращает на себя внимание попытка исследователя создать и обосновать новую терминологию, в которой остро нуждается современная социально-философская мысль. Однако по факту эта новизна малоубедительна, а оригинальность не отличается изяществом — изобретаемые понятия эклектичны, надуманны и громоздки, а лексические конструкции в описаниях основных идей нередко выглядят избыточными. В итоге, трудно признать, что исследование имеет содержательную глубину, хотя именно с такого рода далеко идущими претензиями автор выступает в своей диссертации. Последующие замечания являются конкретизацией этих проблем текста.
2. Вызывает большие сомнения, что для решения поставленных социально-философских задач исследования оправданно вводить понятие

«программа» в качестве базового. Чем обусловлен столь неудачный, на наш взгляд, терминологический выбор? Данью времени, больше связанного не с глубокими философскими традициями, а ориентированного на сциентистские, машинные, компьютерные, информационно-технологические программы насущного дня? Как результат, лишь один пример, – это гротескное суждение автора о том, что в эпоху Смутного времени «самозванцы использовали символические программы» (с. 309) с третьим типом несбалансированной структуры.

3. Автор берется за то, чтобы дать определение мышлению. Следя за тем, как оно долго разворачивается, с явно избыточным использованием научно-фундированных словосочетаний, мы встречаем следующий логически некорректный пассаж: «мышление... – процесс приведения во взаимное соответствие структуры окружающего мира и структуры набора имеющих, как правило, дискурсивное закрепление представлений о структуре окружающего мира и структуре самого агента мышления...» (с. 41). Хочется спросить, а «дискурсивное закрепление представлений» разве не подразумевает самого мышления? А если подразумевает, то в таком случае мы имеем дело с кругом в определении, и, соответственно, это определение не годится.
4. В качестве новизны исследования нам предлагается признать введение в оборот современной социально-философской рефлексии понятия «социальное мышление». Если строго такого термина в качестве обоснованного концепта мы не встречаем в философской традиции, то как все же быть со скрывающимся за ним смысловым содержанием? Не находит ли оно свое отражение в таких понятиях, как «общественное сознание», дюркгеймовское «коллективное сознание» и т.п.? Автор ссылается на все эти пересекающиеся с ее собственным понятием категории, однако, в чем состоит между ними принципиальное различие, так и остается не до конца проясненным, хотя диссертант и заявил, что в исследовании была «проведена демаркация понятий «общественное сознание» и «социальное мышление» (с. 29). К примеру, на тех страницах, где рассматривается коллективное сознание Дюркгейма (с. 61-65) и где, наконец-то, начинает проступать эта демаркационная линия, четкости у этой линии, когда было бы определено различие между социальным мышлением и коллективным сознанием, так и не появляется. Так, на с. 65 мы видим попытку отличить коллективное сознание от социального мышления. Сделать это предлагается на основании того, что коллективное сознание строится на понятии социальной солидарности, а это якобы не позволяет

нам иметь в виду и понятие социального порядка, раскрывающего содержание социального мышления. Но это является крайне спорным, если вовсе не противоречивым положением. Или в понятие социального порядка включен какой-то особый смысл, который неприменим к понятию социальной солидарности? Если бы это было пояснено, например, через то, что социальный порядок основан на гетерогенности, а социальная солидарность на гомогенности, то такое концептуальное различие можно было бы принять во внимание. Справедливости ради, следует отметить, что у автора нечто подобное проговаривается, однако настолько расплывчато и невнятно, что остается только домысливать за него самого, это ли он имел в виду.

5. Весь параграф 1.2., в котором напрямую предпринята попытка разъяснить, в чем состоит отличие между всеми имеющимися понятиями, схожими с понятием социального мышления, так и не дает этой ожидаемой ясности. В первую очередь, явным упущением следует считать то, что автор не определяет, в чем для него состоит различие между сознанием и мышлением. Если же вопрос свести к непосредственному предмету исследовательского рассмотрения, то так и остается непонятно, почему социальное мышление не отражает в себе все то, что мы можем найти в других, схожих с ним феноменах? Почему, например, оно не является таким же набором «социальных и культурных норм, представлений о мире, усвоение которых индивидом означает процесс социализации» (с. 81)? Совсем неочевидно, что раскрывая содержание определения «коллективного субъекта/интеллекта», мы не будем иметь дело со все теми же значениями, которые у автора диссертации связаны с понятиями, описывающими социальное мышление, – «символическая программа», «социальный порядок», «гетерогенный... процесс...» (с. 73).
6. Нельзя с уверенностью утверждать, что диссертанту удалось доказать, что благодаря его концепции символических программ социального мышления были выявлены такие закономерности социальности, которые «ранее оставались невыявленными и неизученными» (с. 37). Остается совершенно непрозрачным, каковы же конкретно эти закономерности, открытые диссертантом, о которых мы ранее ничего не знали?
7. Диссертант пытается указать на некое различие в прошлом и настоящем обнаруживаемых трех измерений социальной реальной. Об этом говорится следующим образом: «...Онтологическим основанием социального мышления является сосуществование в социальной реальности трех независимых измерений: семейно-родственного, эгалитарного и

иерархического... Современный уровень социально-философских, антропологических и исторических исследований позволяет говорить об одновременном присутствии данных измерений в социальной реальности как основных элементов социального порядка» (с. 32). В чем разница? Разве раньше такого *одновременного* присутствия не было? Сами формулировки с опорой на существительное «сосуществование» и наречие «одновременно», как кажется, указывают, что мы имеем дело с одним и тем же, а не различающемся, – то, как было раньше, таким же обнаруживается и в современности? Так, что этим бессодержательным суждением хотел сказать автор?

8. Есть ряд частных недостатков, большей частью связанных с весьма спорными, а порой чересчур вольными интерпретациями привлекаемого самого разнообразного историко-философского и иного научно-исследовательского материала. Таких случаев предостаточно, но сошлемся лишь на один из примеров этой небрежно проделанной интерпретативной работы: утверждение, что такие мыслители как Шпенглер и Данилевский рассматривали социальное мышление как «полностью предопределенного своим прасимволом» (с. 11), является поспешным обобщением. Если Шпенглер так считал, то значение такого фактора у Данилевского не столь фундаментально и не является мистически предопределенным.
9. Диссертант отмечает, что «в истории философии последнего столетия часто фактически смешивались такие феномены, как мышление и язык» (с. 39). Удивительно, что для подкрепления своих слов делается ссылка на косвенно имеющему отношение к философии психолингвисту С. Пинкеру. Более того, на приведенных диссертантом страницах его произведения о философии вовсе речь не ведется. Там обсуждаются проблемные аспекты лингвистической теории Б. Уорфа, которого тоже не без труда можно будет признать полноценным представителем хотя бы философии языка или лингвистической философии, не говоря уж о философии в целом. Зачем понадобилось свой тезис подкреплять столь неубедительной ссылкой, остается только гадать.
10. В исследовании встречаются некоторые суждения, которые просто не поддаются объяснению. Например: «...присутствие нарративов, уравнивающих всех членов общества перед лицом трансцендентного абсолюта идеологическими ценностями или классовой солидарностью» (с. 218). Хочется спросить, так что все же уравнивает – трансцендентный абсолют или идеологические ценности и классовая солидарность? А при

классовой солидарности, что, например, в марксистской философии следует понимать под *трансцендентным* абсолютом? И вообще, обязан ли трансцендентный абсолютом, чтобы такое уравнивание произошло? Совершенно непонятное утверждение автора.

11. Еще одним из таких утверждений, не до конца понятным, на чем же оно основано, является противопоставление *идеи* и *символического объекта*. Автор иллюстрирует его ссылкой на то, что «социальное мышление российского общества призывало жертвовать собой не за «идею», а за целостность своей страны» (с. 308). Хочется спросить, в каком смысле символический объект «целостность своей страны» может не мыслиться в качестве идеи? Если символический объект, в отличие от идеи (которая, как здесь характеризуется – абстрактным началом, потерянностью связи с реальностью?), есть то, что не «оторвано от повседневной практики» (с.307), то проблематично будет представлять «целостность своей страны» в качестве повседневной данности человеку, который, на самом деле, проживает не в некоей целостности, а в своем конкретном родном месте. Либо противопоставление надуманно, либо требуется не поверхностная, а развернутая его констатация.
12. Есть в исследовании политически ангажированные формулировки и стереотипы, которые никак серьезно не обосновываются: а) так на с. 323 голословно заявляется, что в России растет уровень безработицы, хотя на протяжении, по крайней мере, 10 лет он неизменно падает; б) на с. 324 говорится: «С момента объявления Президентом РФ В. В. Путиным начала проведения Специальной военной операции российское государство и общество погрузились в доселе невиданную по своим масштабам «зону турбулентности»». Хочется узнать, какой смысл скрывается за эмоционально окрашенными словами «*доселе невиданную по своим масштабам*»? Имея в виду историю российской цивилизации, такие заключения звучат, в лучшем случае, некорректными; в) озадачивающим выглядит и такое положение на с. 323: «На фоне всех выявленных проблем граждане страны особенно заинтересованы... в создании атмосферы недоверия к большинству шагов, предпринимаемых представителями законодательной и исполнительной власти, на федеральном, региональном и местном уровнях». Как понимать эту заинтересованность и что означает «создавать»? У какой части населения есть такая заинтересованность? Если она, действительно, есть у большинства населения, то, где статистические данные обо этом? И что означает, что такое недоверие надо проявлять именно к *большинству* шагов? На чем опять-таки

делается вывод, что *большинство* шагов такого недоверия заслуживает?; г) такое же указание на *большинство*, вновь никак социологически не подтверждаемое, делается и в следующем заявлении: «В результате большинство членов российского общества маргинализируются как открыто (обнищание), так и латентно (отсутствие социального спроса)» (с. 334).

Несмотря на перечисленное выше множество недостатков, диссертационное исследование Ж. В. Андриевской можно признать состоявшимся, т.к., во-первых, видно, что мы имеем дело с самостоятельно проделанной работой, во-вторых, хотя все обозначенные выше сомнения остаются, можно согласиться, что попытка автора предложить нам новую терминологически выстроенную концепцию, позволяющую объяснять сложные процессы, происходящие в обществе, удалась. Исследователь заставил задуматься о возможностях осмысления существующих социальных проблем и поиске их решения через призму новых терминов.

Заключение. Диссертационное исследование Андриевской Жанны Викторовны «Символические программы социального мышления в обществе риска» является законченной научно-квалификационной работой, в которой предпринята попытка найти новое решение стоящих перед социальной философией задач: предложен терминологический инструментарий и представлены способы его применения в анализе социальной реальности, что может способствовать решению социально-философских проблем, определению перспектив социального развития, обеспечению прогностической функции социального анализа, создавая условия для расширения дискуссионного пространства в академическом сообществе. Работа соответствует требованиям п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук, а её автор, Андриевская Жанна Викторовна, заслуживает присуждения ученой степени доктора наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия.

Отзыв подготовлен:

Кузиным Иваном Владиленовичем, доктором философских наук, доцентом, доцентом Кафедры социальной философии и философии истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» и

Наумовой Екатериной Игоревной, доктором философских наук, доцентом, профессором Кафедры социальной философии и философии истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры социальной философии истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» 8 декабря 2025 года. Протокол № 43/5/5-02-103.

Согласны на обработку персональных данных при размещении отзыва в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Заведующий Кафедрой социальной философии и философии истории
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет», профессор,
доктор философских наук

Соколов А.М.

Подписи заверяю:

Старший по кадрам СК - 6

Управляющая кадрами г.з.ор.п. спбгу

Васильев Н.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Телефон (812) 328-97-01

E-mail: spbu@spbu.ru